

Э.Г. ЭРИКСОН

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ* (ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ», 1975)**

Во время моего обучения Фрейд уже больше не преподавал и не показывался на публике. Я иногда встречал его в доме или в саду у Бирлингемов, один раз — летом на сборе грибов в Земмеринге, но редко обращался к нему — и не только из-за робости или признанной разницы в положении, но из-за той боли, которую, казалось, причиняли ему все попытки говорить. Ему тогда было чуть за семьдесят, несколько лет до этого ему сделали тяжелую операцию на верхней челюсти по поводу раковой опухоли, однако «адский протез», который покрывал его небо, привел к новым вспышкам болезни и новым операциям. Его дочь выполняла обязанности одновременно медсестры, личного секретаря, интеллектуального компаньона и посла к старой гвардии психоаналитического движения, а также выступала от его имени на редких публичных церемониях. Некоторые из работ, которые Фрейд опубликовал в эти годы, были философскими по своему характеру, *weltanschaulich* (см. прим. 1), как говорят немцы.

В своей *Автобиографии* (см. прим. 2), написанной в возрасте 68 лет (в возрасте, кажется, предназначенном для воспоминаний), он описывает свое состояние как «фазу регрессивного развития», которая знаменует возрождение его раннего и, точнее, подросткового интереса к проблемам культуры (*Kultur* (см. прим. 3)). Теоретически все это нашло свое ярчайшее выражение в концепции *инстинкта смерти* (которая отразила грандиозное противоречие в понятиях), а также в признании основополагающего дуализма жизни и смерти, которым до недавнего времени пренебрегали в психоанализе.

В то время в Вене весь процесс обучения проходил по вечерам в такой форме, которую сегодня можно было бы назвать свободным психиатрическим университетом. И снова нужно заметить, что только те мужчины и женщины, которые посещали подобные автономные учебные группы, были преданы по их представлениям истинно освобождающей идее, служили ей, жертвуя заработком, профессиональным статусом, душевным спокойствием. Именно они знали ту атмосферу самоотверженности, в кото-

* *Окончание.* Начало статьи смотрите в 1 выпуске нашего журнала (2008. Т. 10. Вып. 1 (40)).

** Перевод выполнен по изданию: *E.H. Erikson «Identity Crisis in Autobiographic Perspective» (Erikson E.H. Life History and Historical Moment. N.Y., 1975. P. 17-47).* Впервые этот доклад был представлен на симпозиуме, организованном журналом Дедалус (Daedalus), по «биографии» инновационных идей в науках XX в. на Вилле Сербеллони, озеро Комо в 1969 г. Здесь и далее по тексту даны постраничные ссылки на источники и курсив автора — *Прим. перев.*

рой ни одна деталь клинического случая не считалась незначительной и ни один теоретический инсайт слишком большим для рассмотрения, чтобы не задействовать их в докладах или в жарких спорах. Клинические описания редко отражают те здравые рассуждения и тот юмор, которые наполняли совместное изучение текущих случаев и постоянное утомительное сравнение историй болезни. Клинические конференции, освещающие детали лечения, выражают суть дела, поскольку они свободно отражают взаимодействие между душевным миром терапевта и душевным миром пациента. Нигде искусство не становится столь ощутимым, как в клинической науке-искусстве.

В то же самое время наше обучение оказывало на нас влияние более чем непосредственное в силу своего клинического характера по всем пяти параметрам, которые Фрейд в своей Автобиографии назвал «принципиальными составляющими психоанализа» [1, 118]. Эти пять принципов остались фундаментальными в теории и практике психоанализа и для клинического исследования проблем идентичности. Самое фундаментальное из этих понятий это понятие «*внутреннего сопротивления*» (inner resistance), термин, который никогда не означал осуждения во внутренней непокорности или в отсутствии осознанной установки на сотрудничество. Некоторые воспоминания и мысли бессознательно «сопротивляются» (см. прим. 4), даже у тех, кто имеет много причин, чтобы вновь обрести их, помимо личного отчаяния и научного любопытства. Для объяснения внутреннего сопротивления Фрейд сформулировал понятие *вытеснения* – защитного механизма зрелого сознания, благодаря которому *бессознательное* начинает означать нечто гораздо большее, нежели просто несознательное. Действительно, если Фрейд находил в симптомах своих пациентов подавленные стремления и желания, воспоминания и фантазии, он делал это посредством выделения комплекса символических масок и порождаемых воображением образов, которые впоследствии оказались близкими к основным образам мифологического и художественного творчества. Его Викторианская эпоха, несомненно, предоставила ему особый доступ к тому, что он назвал *этиологическим значением сексуальной жизни* – то есть к патогенной силе подавленных сексуальных импульсов. Конечно, он называл «сексуальными» широкий круг импульсов и аффектов, прежде никогда не включавшихся в это определение. Предназначение теории либидо – показать, как много в жизни сопряжено с производными подавленной или сублимированной детской сексуальности. Фрейд, поэтому, считал, что необходимо систематически рассматривать *значение детского опыта*, который он считал органичной частью своего метода и своей теории: и мы сегодня знаем, как первые находки Фрейда и Карла Абрахама (Abraham) открыли новый целостный взгляд на стадии жизни и, таким образом, на истории жизни.

Я добавил бы к этим главным пяти пунктам фрейдовское понятие *трансфера* (или переноса) – то есть универсальную тенденцию воспринимать другого человека (часто бессознательно, конечно) как воспоминание о значимой фигуре детства, но переживаемого *здесь и сейчас*. Трансфер выступает как ненамеренное возрождение детских и подростковых желаний и страхов, надежд и мрачных предчувствий, что всегда сопровождается ставящей в тупик «амбивалентностью» – сочетанием чувства любви и чувства ненависти, которые могут опасным образом совпадать или радикально противопоставляться.

Все ментальные свойства, которые здесь перечислены как доминирующие аспекты данных, собираемых на психоаналитических сеансах, однако, должны также

быть признаны наблюдателем этих данных — по этой причине мы также говорим о *контртрансфере* (контрпереносе) психоаналитика на своего пациента. Таким образом, психоаналитическая наука, делая клиническую ситуацию актом коммуникации, а также объяснимой и классифицируемой, является чрезвычайно специфической. Тем не менее, ясно, что трансферы (похожие на детское доверие или детские амбивалентные чувства), находящиеся в центре внимания в клинике и в процессе обучения психоанализу, также существуют и в повседневной жизни, особенно там, где порядок вещей создает условия для глубоких переживаний лидерства, подчинения, братского или сестринского соперничества. Вопрос о том, где и когда такие переживания способствуют или препятствуют изобретательности, солидарности и альтруизму, требующимся для совместных действий, является очень актуальным. Ответ на этот вопрос, думается, состоит в том, что взаимная эмоциональная вовлеченность, даже в виде трансфера, может при благоприятных условиях пробудить силы как родительской и сыновней преданности, так и амбивалентности и, будучи обеспечена идеологической убежденностью и компетенцией, может поддерживать личностное развитие и творческую инновацию. Психоанализ постоянно использует эту силу (Дэвид Макклелланд (McClelland), не колеблясь, назвал ее религиозной) в терапевтических целях подобно тому, как это делается в примитивных ритуалах, осуществляющихся с целью перерождения через возвращение к истокам. Этот процесс описал Мирча Элиаде (Eliade) [2] и верно провел здесь параллель с верой (часто довольно ритуализованной), на которой основана современная психотерапия.

Это, однако, не оправдывает скоропалительного предположения, что психоанализ это главным образом «исцеляющая вера». Согласно Фрейд и его последователям, комната для консультаций всегда была не только святилищем целителя, но также и психологической лабораторией. Явления, которые здесь наблюдались, нужно было классифицировать, создать описывающую их терминологию и методологию их изучения, что помогло бы сделать терапевтические техники более адекватными для изучения расширяющегося круга патологических состояний и сформулировать теоретическую основу на базе инсайтов, что в свою очередь подкрепило бы теорию психологической мотивации. Идиосинкразические таланты и идеологические пристрастия первых соратников Фрейда, казалось, часто затемняют основной план, который чувствовал и знал только он сам, и это было, конечно, неудивительно. Подлинное историческое исследование нюансов развития психоанализа все еще затруднительно, но оно могло бы пролить свет на человеческие эмоции и остаточную патологию, возникающих у ученого, поглощенного наблюдением и построением теории. Часто кажется, что влияние страстей не может исчезнуть полностью даже в процессе всесторонне контролируемой лабораторной работы, и особенно когда подвергаются сомнению положения, сформировавшие стабильную классическую картину мира, и когда изменения в системе идей становятся предметом соперничества между учеными и научными школами.

Здесь интересно отметить, что (я думаю, это в большой степени содержат письма Фрейда к Флиссу (Fliess)) в оригинальной метапсихологии Фрейда чувствуются методы мышления, характерные для медицинского круга. Каждый студент, обучающийся психотерапии, находится (или ему следовало бы находиться) под впечатлением от той пропасти, которая разделяет бесконечное богатство данных и бедность их теоретического осмысления. Так, в процессе нашей профессиональной подго-

товки мы взяли на себя обязанность учиться «размещать» каждое полученное клиническое наблюдение в системах координат, которые Фрейд называл «точками зрения» (см. прим. 5). Я подробно рассмотрел эту тему в моей итоговой работе о природе клинических данных [5]. Здесь можно только суммировать эти точки зрения. Во-первых, *топографическая точка зрения* позволяет «локализовать» полученное наблюдение в пространственной модели психики. *Динамическая точка зрения* отражает энергию конфликтов, распределяющуюся между структурными частями психики. *Экономическая точка зрения* в свою очередь описывает использование и распределение энергии человеческих инстинктов. Позже *генетическая точка зрения* позволила реконструировать происхождение и развитие всех этих структур, функций и затрат энергии и, таким образом, конечно, сделать наибольший вклад в историческое исследование и изучение историй жизни. Хотя Фрейд называл эти точки зрения *метапсихологией*, а на таком уровне абстракции недоступно непосредственное наблюдение, трудно преодолеть ощущение, что они служили мостиком, по которому он, пылкий и усердный ученый-медик, не ставший еще психоаналитиком, пришел к тому, чтобы применить традиционные анатомические, физиологические, патологические и генетические формы научного наблюдения к психическим процессам. Несмотря на то, что распространение его открытий пробуждало смешанные чувства у ученых-медиков, он, казалось, решил в рамках метапсихологии связать свои обширные открытия с образцами академической мысли, которые в юные годы помогли ему воспитать преданность делу и сформировать профессиональную идентичность. Часто упускается из виду, что даже его чрезмерная увлеченность всеобъемлющим, всепроникающим либидо проистекает из научного стиля мышления и связана с его стремлением рассматривать психические процессы в понятиях энергии, «равной по достоинству» силам, обнаруженным в физике и химии. Что касается неврологического происхождения психической энергии, то здесь данные способы мышления основаны на видимых наблюдаемых и верифицируемых фактах, в то время при изучении психики они рано или поздно, особенно в руках догматических последователей, служат непроверенными реификациями (см. прим. 6) — как будто «либидо» или «эго», стали, в конце концов, измеряемыми величинами.

Этот интеллектуальный фон, царивший на многих вечерах, проводившихся в форме небольших насыщенных семинаров (иногда нас было так мало, что мы могли комфортно разместиться дома у наших преподавателей) лучшим образом можно охарактеризовать, перечисляя наших преподавателей. Все, кроме первых двух, приехали в эту страну, чтобы управлять странной судьбой психоанализа, который в опале стал влиятельным в медицинском образовании, выгодным на практике и популярным в средствах массовой информации.

Мое обучение детскому психоанализу происходило в рамках знаменитого Kinderseminar (см. прим. 7) под руководством Анны Фрейд. В рамках этой подготовки Август Айхорн (Aichhorn) обучал лечению подростковых психических расстройств (включая делинквентность). Хелен Дойч (Deutsch) и Эдвард Байбринг (Bibring) осуществляли руководство над моими первыми сеансами у взрослых пациентов. Хайнц Гартман (Hartmann) был ведущим теоретиком и его мысли, которые позже воплотились в монографии об адаптивной функции эго, оказали на меня глубокое влияние. Объяснение Анной Фрейд функций защитных механизмов, с помощью которых эго справляется с бессознательными стремлениями [7], и исследование Гартманом адап-

тивной реакции эго на окружение подвергали сомнению теоретическое решение этих проблем в то время [8]. Одним из самых загадочных и обаятельных преподавателей был Поль Федерн (Federn). Возможно, именно на его семинаре, посвященном границам эго, я впервые услышал термин «идентичность», упомянутый в одном из его ранних значений. Первоначальное внимание к id (см. прим. 8), основанное на поставленной Фрейдом задаче доказать полную зависимость человеческой психики от сексуальности, сменил устойчивый интерес к эго.

От этого начального периода сохранилась до странности аскетическая озабоченность всеми большими и малыми манифестациями Эроса, и это было похоже на нечто вроде интеллектуальной вакханалии. Казалось, что ничего не предвещало того, что в умах этих первых последователей Фрейда (и даже последователей Вильгельма Райха) появится идея когда-нибудь использовать психоанализ как лицензию на сексуальную свободу, на действия вне правил просвещенной буржуазии или как средство для построения некой новой пролетарской идеологии. Вильгельма Райха (Reich) и приглашенного преподавателя Зигфрида Бернфельда (Bernfeld), который был глубоко увлечен проблемами юности, я помню как вдохновенных учителей, уже склонных к трагической изоляции в силу их веры в то, что «либидо», которое рассматривалось ими как количественное понятие, *должно* быть найдено и выделено физиологически. С другой стороны, студент не мог не чувствовать в этом обучающем интеллектуальном окружении растущего консерватизма и особо утонченного, всестороннего отказа от определенных направлений в психоанализе. Это касалось, прежде всего, любой идеи, напоминающей тот отход от оригинальной мысли Фрейда, который был совершен самими первыми и самыми блестящими соратниками мастера (такими как Ранк (Rank), Адлер (Adler) и особенно Юнг (Jung)), которые были отлучены от психоаналитического движения перед Первой мировой войной. Другими словами, психоаналитическое движение уже тогда работало под влиянием своей собственной «доисторической» травмы, внутреннего мятежа против отца-основателя. Но студент, обучающийся психоанализу, не мог судить о возможных позитивных и негативных последствиях этих событий.

Я должен признать, что после такого интенсивного обучения в таких сложных условиях, мысль о переезде и независимой работе меня вдохновляла и была политически приемлемой. В Вене тогда сделали выбор не придавать значения продвижению к власти Национал-социалистического движения, не говорить о тотальном расколе, который вскоре разделит страны Европы, как старый и новый мир. И если кратко сказать о том, какие чувства неопределенности и любопытства остались у меня по окончании образования, которое совпало с эмиграцией из Европы, то, серьезно упростив, это можно передать следующим образом. Психоанализ пробились через многое из того, что тотально презиралось или отвергалось в прошлых представлениях о человеке: психоанализ обратился *внутрь* (*inward*) для того, чтобы открыть внутренний мир человека и особенно бессознательное с целью систематического изучения; он в своих поисках обратился *назад* (*backward*) к онтогенетическому происхождению сознания и его расстройств; и он настоял на том, чтобы опуститься *вниз* (*downward*) к тем инстинктивным тенденциям, о которых человек думал, что он их преодолевает, когда он подавлял или отрицал свои детские переживания, свое архаическое прошлое и эволюцию. Это (к чему пришел и Дарвин) было новой территорией, которую нужно было завоевать, истоки, которые нужно было признать. Но завоеватели так легко теряли самих себя в открытиях этой новой территории;

как их вписать в то, что уже известно — это второе по важности дело. Я смутно чувствовал, что оставался вопрос, неужели образ человека, созданный преимущественно на основе наблюдения и реконструкции в клинической лаборатории, не нуждается в том, что в целостном человеческом существовании ведет *вовне* (*outward*) эгоцентризма к взаимной любви и сотрудничеству, от рабского прошлого *вперед* (*forward*) смело-му предвидению новых возможностей и от бессознательного *восходим* (*upward*) загадке сознания. Все это, однако, как мне всегда казалось, неявно содержалось в работах самого Фрейда: если не в смещении фокуса его мрачного исследовательского поиска, то в высоком стиле его связи с читателем — стиле, за который в те самые дни он получил премию Гете как лучший научный писатель в немецкоязычной литературе.

Для Фрейда *via regia* (см. прим. 9) в понимании душевной жизни было сновидение. Для меня *via regia* конфликтов и достижений растущего человека стала детская игра, которая является средством повторения и осмысления своего прошлого и средством творческого самообновления (см. прим. 10). Я идентифицировался с Фрейдом не столько как с первым лабораторным исследователем, который выработал терминологию для наблюдения изменяющего количества влечения (*drive*), оживляющего внутренние структуры, сколько как с исследователем вербальных и визуальных конфигураций, которые раскрывают то, что сознание стремится подтвердить, и то, что оно пытается замаскировать — и раскрыть. Если говорить прямо, то я всегда подозревал (может быть потому, что я до конца не понимал этих вещей), что все, что звучит наиболее научно в психоанализе на языке физикализма XIX в., является скорее сциентизмом, чем наукой. Хотя я понимал, что у психологии и социальной науки в попытках освободиться от философии и теологии не было другого выбора, как стремиться какое-то время следовать стилю научного мышления века. Но феноменологический и литературный подход Фрейда, который, казалось, отражал само творчество бессознательного, содержал в себе предпосылки, без которых психоаналитическая теория значила бы для меня очень мало. Это, возможно, могло быть одной из причин, по которой я позже обнаружил свою неспособность к теоретическим дискуссиям и был склонен пренебрегать работой моих коллег — и не только там, где они принимали теории Фрейда механически и дословно, но и когда они становились неофрейдистами. Возможно, здесь есть некая смесь особой и, может быть, странной идентификации с фрейдовской свободой и удовольствием от познания. Но он был отцом всего этого — факт, который я стараюсь показать в моих более поздних исследованиях великих людей и в нескольких эссе о самом Фрейде [4; 6, 48-110].

Сразу по окончании своего обучения, я поселился в этой стране, чтобы начать частную практику, страстно желая увидеть, что я мог бы сделать сам — хотя ни в коем случае не изолированно от других коллег. В Вене я женился на Джоан Серсон (*Serson*), канадке, получившей образование в США, которая затем стала танцовщицей и учительницей, а позже — художницей и писательницей, она тоже преподавала в нашей маленькой школе. Примерно в то время, когда Гитлер пришел к власти в Германии, мы переехали из Вены в Копенгаген. Я впервые попытался получить обратно датское гражданство и помочь организовать центр психоаналитического обучения в Копенгагене. Когда стало понятно, что это практически невозможно, мы эмигрировали в США и поселились в Бостоне, где психоаналитическое общество было основано за год до этого. Поскольку мое образование, полученное в Вене, сделало меня членом Международной психоаналитической ассоциации, я был также доброжела-

тельно принят в Американской психоаналитической ассоциации. Хотя медицинская профессионализация психоанализа в США вскоре привела к исключению кандидатов на обучение без медицинского образования, я остался одним из немногих непрофессиональных терапевтов, надеясь, что наш скромный вклад рано или поздно произведет впечатление на американских коллег, ведь Фрейд мудро указывал, что эта область деятельности не должна полностью подвергнуться медицинской профессионализации. И что касается лично меня, то я был, конечно, готов твердо держаться медицинских правил и соблюдать закон в рамках моей терапевтической деятельности, поэтому не могу сказать, что тот факт, я не был медиком, когда-либо мешал моей работе.

Действительно, иммигранту с востребованной специальностью (ведь и определение «иммигрант» еще не получило тогда значения «беженец») было на деле показано, что США – страна неограниченных возможностей. В Гарвардском университете, а позже и в Йельском университете, нам, не колеблясь, обеспечивали должности на медицинском факультете, таким образом, широко пропагандируя опыт клинических исследований. В Гарварде работала Психологическая клиника Гарри Мюррея (Murray), где интенсивное изучение жизни студентов указало важные направления в определении характеристик и ценностей американской академической молодежи, при этом стиль мышления Мюррея содержал в себе что-то от интеллектуальной традиции Уильяма Джеймса. Здесь также процветали междисциплинарные исследовательские группы, которыми руководили и финансировали такие одаренные люди, как Лоренс К. Франк (Frank) из Министерства образования и Франк Фремон-Смит (Fremont-Smith) из Фонда Джозиа Мейси младшего (Macy) под патронажем таких известных ученых широкого профиля как Маргарет Мид (Mead) и Курт Левин (Lewin). В течение непродолжительных, но насыщенных заседаний от каждого участника ожидали понимания ситуации, и я думаю, что именно здесь научился (так как медленно начинал говорить и писать по-английски) сообщать результаты своих исследований междисциплинарной аудитории, и это усилие отчасти повлияло на выбор понятий. После второй мировой войны мы вновь стали контактировать с заинтересованными коллегами со всей Европы в рамках Группы по изучению детства, созданной по Всемирной организации здоровья, – такими, как Джулиан Хаксли (Huxley), Конрад Лоренц (Lorenz) и Жан Пиаже (Piaget). В это время Александр Митчерлих (Mitscherlich) предложил мне мысленно вернуться к выпавшей из воспоминаний сцене моего детства: на торжествах по случаю столетия со дня рождения Фрейда в 1956 г. я должен был обратиться к новой германской молодежи в городе, где я родился, во Франкфурте в присутствии президента научного сообщества Германии. С тех пор конференции, проводимые *Дедалусом* (Daedalus) (см. прим. 11), стали играть в моей профессиональной жизни важную роль междисциплинарных встреч.

Но позвольте кратко обрисовать мой все углубляющийся интерес к проблемам идентичности, подытоживая опыт последующих десятилетий. В тридцатые годы, я был первым из всех практикующих психоаналитиков, кто работал главным образом с детьми и часто посещал клинические конференции в медицинских подразделениях Гарвардского университета. Я учился психологии на стороне, но когда Медицинская школа Йельского университета предоставила мне должность штатного научного сотрудника на полную ставку, я решил идти в будущее без запоздалого получения степеней. В Йельском Институте человеческих отношений мне тогда предложили замечательную междисциплинарную стажировку под руководством Джона Долларда

(Dollard); и моя работа позволила мне осуществить первое полевое исследование индейцев Сиу в Южной Дакоте (совместно со Скудером Мекелем (Mekeel)). Сороковые годы я провел в Калифорнии, в Беркли, получив приглашение проанализировать истории жизни детей, задействованных в кросс-культурных исследованиях, которые затем изучались в Институте развития детей под руководством Джин Макфарлейн (MacFarlane). Работая в этом институте, я совершил вторую полевую экспедицию (с Альфредом Кребером (Kroeber)) к индейцам Юрок в Калифорнии. Позже, получив назначение на должность обучающего психоаналитика, я возобновил частную практику в Сан-Франциско, но продолжал работать как консультант в разных общественных клиниках, включая клинику по реабилитации ветеранов до конца второй мировой войны. Моя первая профессура в Калифорнийском университете в Беркли оказалась очень короткой по причине раздора из-за присяги на лояльность во времена Маккарти (см. прим. 12). Я был одним из немногих, кто не подписался, и меня уволили до того, как закончился мой первый год работы. Позже, будучи восстановлен как политически благонадежный, я подал в отставку, поскольку другим уволенным не дали такой оценки. Возвращаясь к тому противостоянию, я сейчас думаю, что это был тест на нашу американскую идентичность; поэтому когда в газетах писали всем нам, неподписавшимся и родившимся не в Америке, «убираться туда, откуда приехали», мы вдруг вполне определенно почувствовали, что наша кажущаяся нелояльность к солдатам из Кореи была на самом деле вполне в согласии с тем, за что, как они говорили, они боролись. Высший Суд США впоследствии подтвердил нашу точку зрения.

Сейчас может показаться очевидным, как концепции «идентичности» и «кризиса идентичности» возникли из моих личных, клинических и антропологических наблюдений в тридцатые и сороковые годы. Я не помню точно, когда я начал использовать эти понятия, они представлялись естественно обоснованными на опыте эмиграции, иммиграции и американизации. Поэтому я следующим образом определил предмет моей первой книги, которая появилась в 1950 г.

Мы начинаем обсуждение теоретических вопросов, связанных с сутью идентичности, в тот исторический период, когда сама идентичность становится проблемой. Поэтому мы занимаемся этой темой в стране, которая пытается сконструировать супер-идентичность из всех идентичностей, импортированных ее законными иммигрантами, и во время, когда быстро развивающийся процесс индустриализации представляет угрозу этим по существу аграрным и патриархальным идентичностям и в тех местах, откуда они появились.

Поэтому в наше время изучение идентичности становится стратегическим научным направлением как изучение сексуальности по времена Фрейда. Исторический релятивизм в развитии данной области знания, однако, не устраняет целостности основного плана исследования и продолжительной близости к наблюдаемому факту. Открытия Фрейда относительно сексуальной этиологии психических расстройств верны и для наших, и для его пациентов, также и бремя потери идентичности, которое здесь освещается, вероятно, мучило и пациентов Фрейда, как показали некоторые реинтерпретации его наследия. Разные периоды истории, таким образом, позволяют нам увидеть временные акценты на разных аспектах по существу неразделимого целого [3].

Проблемы идентичности существовали в психологическом багаже нескольких поколений новых американцев, которые оставили свои материнские и отцовские идентификации, чтобы соединить их в общую идентичность, которая называется

self-made man (см. прим. 13). Процесс эмиграции бывает тяжелым и бессердечным по отношению к тому, что оставлено в старой стране и тому, что узурпировано в новой стране. Миграция через призму проблем идентичности тоже является жестоким процессом, поскольку погибали миллионы людей, открывая новые формы идентичности для тех, кто выживет. В ретроспективе, я также признал проблему национальной идентичности в великой Германии, находящейся в самом центре Европы, однажды разгромленной и униженной, затем загипнотизированной фанатичным незрелым лидером, обещавшим тысячу лет неопровержимой суперидентичности.

В эпоху Рузвельта мы, иммигранты, могли сказать сами себе, что Америка еще раз помогает спасти Атлантический мир от тирании. И разве мы, представители исцеляющей профессии, не трудились самоотверженно, делая тем самым вклад (помимо жизненных стандартов, к которым нас приучила профессия) в действенное просвещение, способное уменьшить одновременно внутреннее и внешнее угнетение человечества? То, что теперь требует теоретического осмысления, однако, вызывает к совершенно новой ориентации, которая сплавляет в себе новый образ мира (и действительно, Новый образ Мира) вместе с традиционными теоретическими положениями. Я не мог более смотреть на расстройства моих пациентов с позиций происхождения их болезни — то есть на основе того, где, когда и как «все это началось». Вопрос ставился также и о том, какой образ мира они разделяют, где они живут, откуда они родом и кто с ними живет. Кризис идентичности постепенно стал определяться как нормативная проблема, присущая юности и подростковому возрасту, а также стали формироваться представления о том, что в каждом американце есть что-то от подростка. Поэтому можно было предположить, что историческая судьба этой страны сложилась таким образом, чтобы высветить проблемы идентичности, соединенные со странным подростковым стилем зрелости — когда человек остается широко открытым для новых ролей и состояний — то, что было названо (как это было в самом начале республики) «национальным характером». Это, между прочим, не противоречит тому факту, что сегодня некоторые молодые люди настойчиво вопрошают к нации о том, какие поколения американцев на самом деле *сделали* себя сами, отзываясь так непочтительно об этом образе, а какие действительно стали частью их сегодняшней идентичности старого Нового Света; и что они сделали со своим континентом, со своей технологией и миром, находящимся под их влиянием. Но это также означает, что проблемы идентичности являются актуальными везде, где бы ни распространялась американизация, что некоторые из молодых людей, особенно в американизированных странах, начинают перенимать не только состояние self-made man, но также и проблему зрелости, а именно, как *заботиться* о том, что было принято в нормативную модель индустриальной идентичности.

В любом случае, разнообразие моих клинических и «прикладных» наблюдений помогли мне увидеть в настоящее время связь между индивидом и историческим периодом, подобную связи между прошлым и будущим. Поэтому можно сказать, что дети из Беркли, родители которых подверглись «калифорнизации», переживали особый и в то же время нормативный кризис идентичности, который, как мне представляется, встроен в жизненный план человека. Другой вариант такого кризиса, который действительно казался постоянным, можно было наблюдать у американских индейцев, чье дорогостоящее «перевоспитание» привело их только к фатальному осознанию того факта, что они одновременно лишились права оставаться самими собой и права при-

соединиться к Америке. Я научился видеть заново рождающиеся травматические кризисы идентичности в вернувшихся участниках Второй мировой войны, которые были раздавлены тем, что в разных случаях называют симптомами шока или усталости, или физическим недомоганием и желанием притворятся больными. И я смог позже, в пятидесятых годах верифицировать симптомы острого и чрезвычайно болезненного состояния смешения идентичности (*identity confusion*) в моей частной клинической практике – то есть, в юных пациентах Центра Остин Риггз в Беркшире, где я оказался после бегства из Калифорнийского университета. Здесь я обрел критика и друга Дэвида Раппапорта (*Rapaport*), который определил принадлежность моей теории (концептуально близкой к теории Хайнца Гартмана) к психоаналитической эго-психологии [9], который однако прибавил к динамической, структурной, экономической и генетической точкам зрения «адаптивную», связывающую эго и его окружение.

В шестидесятых годах, я приостановил мою клиническую работу, чтобы понять, как преподавать свою теорию жизненного цикла в целом, включая кризис идентичности, людям, которые как раз остро его переживают: студентам Гарвардского университета и университета Рэдклиффа. Однако мне следует подчеркнуть здесь, что в курсе, который я читал в Гарвардском университете, кризис идентичности трактовался как постоянно возобновляющийся кризис, встроенный в последовательность жизненных стадий, от рождения до смерти, или, по выражению студентов, «от материнской груди до холода могилы» (см. прим. 14). Но это другая глава из моей жизни, в которой в течение последнего десятилетия я совместно с моими коллегами занят систематическим исследованием исторических проблем, а также дальнейшим изучением структуры идеологических образов мира, которые задают рамки для всех типов идентичности.

Клиническая верификация в области психоанализа, как я уже указывал, является основным инструментом в любом концептуальном изменении, так как она позволяет утверждать, что (и почему) синдром «смешения идентичности» – не просто следствие противоречивости Я-образов или стремлений, ролей или возможностей, а ключевое расстройство, опасное в целом для экологического взаимодействия человеческой личности и «окружения». Ведь окружение человека, в конце концов, есть та же природа, трансформированная в социальную вселенную.

Психосоциальная идентичность, таким образом, оказывается «расположенной» в трех взаимосвязанных процессах или порядках, в рамках которых человек живет во все времена:

1) *соматическом процессе или порядке*, в котором организм ищет поддержки своей целостности в постоянном процессе взаимной адаптации между *milieu intérieur* (см. прим. 15) и другими организмами;

2) *личностном порядке или процессе*, что означает интеграцию «внутреннего» и «внешнего» мира в индивидуальном опыте и поведении;

3) *социальном порядке или процессе*, совместно поддерживаемом личностями, разделяющими географические и исторические условия (географическо-историческое пространство).

Методы, с помощью которых каждый из этих порядков может быть изучен, являются взаимно дополняющими. Многие в творческом человеческом усилии и в ослабляющем внутреннем конфликте следует рассматривать как следствие их недостаточного взаимного регулирования. Что касается этих процессов или порядков, то полная взаимная поддержка между ними бывает только в утопии, в то время как

человек всегда ищет восстановительные средства для коррекции время от времени накопленных опасностей для здоровья, психической вменяемости или социального порядка. Поэтому изучение кризиса идентичности в подростковом возрасте является стратегическим, так как эта стадия жизни, когда индивид, находясь в биологическом смысле в расцвете своей жизнеспособности, должен интегрировать более широкие перспективы и более насыщенный опыт, а социальный порядок должен обеспечить обновленную идентичность своим новым членам, чтобы подтвердить или обновить свою коллективную идентичность (см. прим. 16).

Здесь должно быть очевидно, почему концепция кризиса идентичности помогла мне осознать одну из трансформирующих функций «великого человека» на определенном перекрестке истории. Я написал об этом в книге о молодом Лютере: глубоко и патологически мучимый внутренними конфликтами, но владеющий одновременно и новым (или обновленным) образом мирового порядка, и потребностью (и даром) воздействовать на массы людей, этот человек сделал свои индивидуальные психологические проблемы универсальными, и пообещал «решить для всех то, что не может решить для себя одного».

В конце концов, в результате новых инсайтов, к которым нас принудили тоталитаризм, ядерная война и массовые коммуникации, с неизбежностью становится ясно, что на протяжении всего своего прошлого человек строил идеологии на основе взаимоисключающих групповых идентичностей, «псевдовидов» (pseudo-species): племена, нации, касты, территориальные общности, классы и так далее (см. прим. 17). Истоки проблемы идентичности, таким образом, обнаруживаются в самом процессе эволюции. Вопрос состоит в том, сможет ли человечество осознать, что оно само по себе представляет единый вид? Или ему суждено оставаться разделенным на «псевдовиды»: когда один вид людей (в любом случае несамодостаточный) противопоставит другим видам, и пока в лучах сомнительной славы ядерной эры один вид не получит власть уничтожить все другие за момент до собственной гибели?

Психоанализ предоставляет чрезвычайно особое сочетание «лабораторных» условий, методологического климата, личностной и идеологической вовлеченности. Представители других областей знания могут заявлять, что они руководствуются радикально иными сочетаниями и, конечно, гораздо менее субъективными данными. Но едва ли они смогут утверждать, что в их деятельности отсутствует любая из составляющих из описанных здесь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейд З. Автобиография // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992.
2. Eliade M. The Myth of the Eternal Return // Bollingen series. № 46. N.Y., 1954.
3. Erikson E.H. Childhood and Society. N.Y., 1950, 1963.
4. Erikson E.H. The First Psychoanalyst // Yale Review. 1956. 46.
5. Erikson E.H. The Nature of Clinical Evidence // Erikson E.H. Insight and Responsibility. N.Y., 1946.
6. Freud's Posthumous Publications: Reviews // Erikson E.H. Life History and Historical Moment. N.Y., 1975.
7. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defense. N.Y., 1946.
8. Hartmann H. Ego Psychology and the Problem of Adaptation. N.Y., 1958.
9. Merton M. Gill (Ed.) The Collected Papers of David Rapaport. N.Y., 1967.

Примечания

1. Мировоззренческий (нем.). — Прим. перев.
2. В русском переводе см., например: [1, 91-148]. Но Эриксон, видимо, имеет в виду американское издание этого произведения Фрейда. См. [1, 145]. — Прим. перев.

3. Культура (в самом общем смысле слова) (нем.). — Прим. перев.
4. Не могут быть осознаны. — Прим. перев.
5. См.: [1: 112-113, 135]. — Прим. перев.
6. Реификация — букв. «овеществление», здесь: овеществление, то есть превращение таких объектов как психическая энергия либидо, Эго, Супер-Эго в непосредственно наблюдаемые качества и величины, которые можно измерить в количественных исследованиях. — Прим. перев.
7. Буквально: детского семинара (нем.); здесь — семинарского обучения, посвященного психоанализу детей. — Прим. перев.
8. Оно (бессознательное, средоточие инстинктов) (лат.). — Прим. перев.
9. Via regia — основа основ (лат.). — Прим. перев.
10. Интересно то значение, которое Эриксон придает игре. У Дж. Мида начальная стадия Game состоит, прежде всего, в овладении социальными правилами поведения. Эриксон, учитывая это, подчеркивает такую функцию игры, как самопознание, функцию осознания своего внутреннего мира и саморегулирования. «Игра ребенка выступает как свойственная детскому возрасту форма проявления способности человека иметь дело со своими переживаниями путем создания типичных ситуаций и овладеть реальностью при помощи экспериментов и планирования» [3, 214]. В игре дети воссоздают ситуации, вызвавшие у них сильные эмоции. Тем самым они осмысливают свои аффекты и освобождаются от их болезненного влияния. Игра — «самый естественный способ самоврачевания, который предлагает детство» [3, 215]. Используя свою власть над предметами, ребенок может приспособить их таким образом, что они позволяют ему вообразить, будто он в той же мере способен справиться со своим затруднительным положением в жизни. — Прим. перев.
11. Научный ежеквартальный журнал Американской Академии Наук и Искусств. — Прим. перев.
12. Первые годы президентства Эйзенхауэра вошли в историю США как времена маккартизма. Маккартизм — продукт определенной политической атмосферы, создававшейся в США по мере нарастания и углубления «холодной войны». В 1954 г. 83-й конгресс завершил свою работу принятием нового закона против Коммунистической партии США. Он объявил коммунистическую партию вне закона и установил 14 признаков, которые служили критериями для определения причастности любого лица в стране к Коммунистической партии или к коммунистическому движению. Эти признаки были настолько неясны и обширны, что они позволяли распространить правила акта 1954 г. на любого жителя США. Название этот период в жизни США получил по имени сенатора Маккарти. В сенате в начале 50-х гг. Маккарти установил свои правила. Во времена лидерства Маккарти в американском обществе началась, по мнению многих наблюдателей, «охота на ведьмы», каждый гражданин фактически проверялся на лояльность к коммунистической партии, особенно пострадали учителя и преподаватели высших учебных заведений. — Прим. перев.
13. Дословно: человек, который сделал себя сам (англ.). — Прим. перев.
14. По-английски: «from bust to dust», буквально: «от груди до праха». — Прим. перев.
15. Здесь: внутреннего мироощущения (фр.), дословно: внутренней окружающей среды. — Прим. перев.
16. Понятие «коллективной идентичности» в этом контексте очень похоже на понятие «социального характера Э. Фромма. См.: Фромм Э. Человеческий характер и социальный процесс // Бегство от свободы. М., 1995. С. 230-245. — Прим. перев.
17. По мысли Эриксона, стремление к продуктивной идентичности противостоит стремлению к групповой исключительности, которая есть следствие псевдовидового менталитета (mentality), что есть неспособность людей осознать свою принадлежность ко всему человечеству. Формирование псевдовидового мышления превращается в современном мире в ведущий принцип образования человеческих общностей, это негативный двойник коллективной идентичности. Отстаивая свою групповую «избранность», люди относят представителей других человеческих общностей к псевдовидам, неполноценным группам, бессознательно проецируя на них элементы негативной идентичности (см.: Erikson E.H. Life History and Historical Moment. N.Y., 1975. P. 176-180). В социологии это явление обозначается понятием «этноцентризм», предложенным У. Самнером. Сегодня возвеличивание псевдовида может сегодня положить конец виду как таковому, поэтому задача современного общества с точки зрения Эриксона — целенаправленное создание всечеловеческой исторической идентичности, объединяющей общности людей (см.: Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. N.Y., 1968. P. 42). Единение людей, предполагает Эриксон, должно осуществляться на основе научно-технического прогресса, который не только облегчает коммуникацию, но расширяет кругозор, изменяет образ мира, ведет к преодолению территориальных, экономических, идеологических противоречий между общностями. — Прим. перев.

Перевод О.А. Симоновой

Симонова Ольга Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва).